

Савельева 2005 — Савельева Г. С. Традиция рождественских игрищ села Прокопьевка Прилузского района Республики Коми // *Studia juvenilia*: Сборник работ молодых ученых ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2005. Вып. 2. С. 123—134.

Савельева 2007 — Савельева Г. С. Фольклор с. Прокопьевка Прилузского района: механизмы консервации иноэтнической традиции // *Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения — 2007»*. Петрозаводск, 2007. С. 382—386.

Серошевский 1993 — Серошевский В. Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. М., 1993.

Топоров 1993 — Топоров В. Н. Три заметки о малых фольклорных формах // *Славянское и балканское языкознание*. М., 1993. С. 12—41.

Шиндин 1993 — Шиндин С. Г. Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира // *Исследования в области балто-славянской духовной культуры*: Заговор. М., 1993. С. 108—127.

Uotila 2006 — *Syrjänische Texte. Gesammelt von T. E. Uotila / Übersetzt und herausgegeben von P. Kokkonen*. Helsinki, 2006. Bd. V.

Источники

- ФНМРК 197 — Д. № 197. Л. 15.
ФНМРК 198 — Д. № 198. Л. 246.
ФНМРК 199 — Д. № 199. Л. 50—51.
ФНМРК 200 — Д. № 200. Л. 491.

Сокращения

РК — Республика Коми.
ФНМРК — фонды Национального музея РК.
ФФ ИЯЛИ — фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (г. Сыктывкар).

Summary. The article deals with a specific group of hunting spells and charms associated with teenage hunting of Komi. Teenage hunting objects were small forest birds (bullfinch, crossbill, snow buntings). The author gives a general description of this tradition, the basic tools and techniques of hunting, their interrelation to hunting of adult hunters. Particular attention is paid to the principles of the poetic construction of spells.

Analyzed the most general principles of poetic organization used in hunting spells.

Key words: *Komi Zyrians, children's folklore, hunting tradition, spells, zaum.*

УДК 398(470):808.2-81
ББК Ш23(2=411.2)-413-1

О. Д. СУРИКОВА
(Екатеринбург)

О ФУНКЦИЯХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОМ ЗАГОВОРНОМ ТЕКСТЕ (на примере конструкций с предлогом и приставкой без)

Аннотация. В статье осуществлен анализ сочетаний с предлогом и приставкой без, встречающихся в текстах русских заговоров, с точки зрения выполняемых ими функций; выявлено, как соотносятся эти функции с общей функциональностью магического текста.

Ключевые слова: лингвофольклористика, заговор, прагматика, предлог без, приставка без-

Данная статья посвящена изучению прагматики заговорного текста на «микроуровне» — на уровне ее связи с формальными языковыми средствами, уровне воплощения отдельными конструкциями основной целеустановки жанра. Интенция заговора — это магическое воздействие; специфика заговорного слова заключается в его перформативности (понимаемой в широком смысле — как наличие у слова воздействующей силы). «Слово заговора есть действие, и уже в силу этого оно перформативно: не сказать слово, а после этого в соответствии с этим словом нечто сделать (“дело по слову”, “слово = дело”), а сказать значит сделать (слово = дело)» [Топоров 1993, 86]. Практически все языковые «кирпичики» заговорного текста как части целого обладают этой перформативностью: «Язык заговоров также подчинен прагматическим целям: грамматические (особенно синтаксические и словообразовательные) средства используются в заговорах для создания жесткого смыслового и формального ритма, соответствующего магическому заданию» [Славянские древности 2, 244].

Не составляют исключения и такие, на первый взгляд, незначительные элементы, как конструкции с предлогом и приставкой *без*. Наши наблюдения над их функционированием в устных и рукописных русских заговорах показывают, что *без*-конструкции возникают в текстах данного жанра не случайно: они прагматически «нагружены» и выполняют определенные функции — как первостепенно значимые, так и факкультативные¹. Материалом исследования послужили тексты, представленные в следующих изданиях: [Майков 1869; Мансикка 1926; Русские заговоры и заклинания 1998; Ефименко 1878; Отреченное чтение 2002; Заговоры из рукописных источников 2010]². Свои задачи мы видим в том, чтобы установить, как соотносится функциональность заговорного текста (целого) с функциями подсчетов с *без* (частей целого) — прояснить, как ведут себя языковые элементы, попадая в магический текст; а также выявить, как под влиянием интенций жанра становятся востребованными единицы — носители определенной семантики (в нашем случае — семантики отсутствия). Эти задачи вписываются в более широкую проблематику — изучение закономерностей отбора языковых средств в фольклорном тексте.

Основная функция языковых элементов, входящих в состав заговорного текста, зависит от его общей интенции, которая формируется в соответствии с типом заговора (лечебные, хозяйственные, промысловые, любовные и т.д.). Так, общей целью заговоров,

¹ По всей видимости, случаи «не отягощенного» магической «силой» употребления *без* встречаются сравнительно нечасто.

² Изучаемые заговорные тексты охватывают хронологический диапазон с XVII по XX в. По нашим наблюдениям, предлог и приставка *без* — основные экспликативные семантики привативности (относящиеся к праславянскому лексическому фонду, см. существенное число слов с префиксом **bez*, представленное в: [ЭССЯ 2, 14–54]) — равно активны как в магических текстах XVII–XVIII вв., так и в современных записях заговоров. По этой причине при анализе материала не приводятся дополнительные указания на датировку текстов.

направленных на противостояние злу (лечебных, оберегов и проч.), является его предупреждение и устранение. Соответственно **базовой функцией** составляющих подобные тексты элементов (от устойчивых формул до лексем³ и даже морфем) становится **функция магического уничтожения злых сил**, которая реализуется с помощью ряда стратегий. По нашим наблюдениям, *без*-конструкции максимально функциональны (т. е. наиболее полно выполняют базовую функцию текста) именно в лечебных заговорах и оберегах, хотя встречаются и в текстах других типов — в любовных, хозяйственных (охотничьих, скотоводческих, пчеловодческих) и других заговорах.

Первой является стратегия отрицания злых сил — когда «отрицание этих сил понимается как их уничтожение или устранение» [Толстая 2008, 242]; выполнение именно этой стратегии чаще всего «возлагается» на заговорное *без*. Частная ее разновидность — отрицание недуга — представлена, например, в следующих фрагментах лечебных заговоров: «*На восточной стороне матери сырая земля породила траву в весне до Семенова дни без уразу и без болезни, без синего опуху, так бы меня, раба Божия Петра, носи по сырой земле по матери без уразу и без болезни*» [Заговоры из рукописных источников 2010, 509] (рукописный заговор от глаза и кровавой раны); «*Как Пресвятая Богородица Христа родила без мук, без болей, так бы и раба Божьей (имя) родить без муки, без боли*» [Русские заговоры и заклинания 1998, № 17] (заговор на зачатие и легкие роды). Для таких случаев характерно нанизывание предложно-падежных конструкций,

³ Лексемы, наделенные функцией уничтожения (в широком смысле) злых сил в лечебных заговорах — это номинации и характеристики изгоняемой болезни. Что касается формул, или мотивов, то среди них выделяются такие, как «изгнание недуга из тела человека» (перечисление частей тела и органов, которые болезни предстоит покинуть), «удаление недуга в тот или иной locus» (туда, где болезнь уже не сможет вредить человеку) и т.д. Подробнее об этом на материале восточнославянских лечебных заговоров см.: [Агапкина 2010, 88–145].

образованных по схеме «без + название болезни». С. М. Толстая именуется подобные перечни «индуктивными» — они обозначают «альтернативные» видовые элементы одного рода, не только «связывают» текст и ритмизируют его, но и «полностью покрывают собой область действия зла. <...> Перечень (в идеале полный) необходим для того, чтобы гарантировать победу над злом» [Толстая 2005, 300—302]. Магическое воздействие перечня увеличивается за счет повторения частицы или предлога с негативной семантикой (*без* и/или *не/ни*) — мультиплицируемое отрицание создает «сгусток» негации, и это становится наиболее действенным способом противостояния злу, ср.: «...запеки ту рану у раба Божия (имя рек), в три дни ж в три часы, **ни** боли, **ни** сверби, **без** крови, **без** раны, во веки, аминь» [Майков 1869, № 168] (заговор от коросты или шелудей). В виде перечня организован также следующий фрагмент рукописного заговора от мух, где выстраивается ряд из обозначений «жалящих» объектов, сила которых магически нивелируется с помощью указания на их отсутствие: «*Муха без носа, лук бес тетивы, а стрела без ушей*» [Отреченное чтение 2002, 184].

Стратегию отрицания злых сил реализуют и некоторые без-префиксальные эпитеты. «*В восточной стороне есть океан-море, в океане-море стоит золотой престол, на золотом престоле сидит Жилин муж, машет, хвощет рабу Божью Анну по кожной шерстиночке, по кожной щетиночке, выбивает беспятную хворось, накоти, шатун, ветряной прострел <...> И поди-тко-се, хворось, за темные леса, за зыбучие болота, за сухие вершины — там тебе место*» [Русские заговоры и заклинания 1998, № 1396] (фрагмент заговора от болезни ушей (арх.)). Лексема *беспятный* на территории Русского Севера, по нашим сведениям, не зафиксирована (она отмечается в вятских говорах с не совсем ясной формулировкой значения — «не спячиваясь» [СРНГ 2, 276]), однако в заговорах, записанных в этой зоне (преимущественно в охотничьих и скотоводческих), функционирует устойчивое редупликатив-

ное сочетание *беспятно, безворотятно* (вариант — *безотпятно, безотворотно*): «*И подите, эти стрелы, и грыжи, родимцы, переполохи, по скотам, по горам, по всем болотам беспятно, безворотятно*» [Русские заговоры и заклинания 1998, № 1485] (арх.); «...заец черноухий и белохвостой, косолапой, бежи ко мне р. б. Н., борзо, **безотпятно** и **безотворотно**, бежи, не оглядывайся назад, не отворачивайся и не отпрядывай» [Ефименко 1878, 195] (арх.). Взаимозаменяемость слов *беспятно* и *безотпятно* позволяет предположить их аналогичную семантику (ср.: помор. *безотпятно* ‘без возвращения, бесследно’ [Дуров 2011, 26], арх., помор. ‘невозвратно, неизменно’ [СРНГ 2, 197]). В таком случае характеристика *беспятная* (хворось) направлена скорее всего на бесповоротное изгнание недуга.

Стратегия отрицания зла (а именно — недуга) воплощается также устойчивыми формулами, включающими предлог и приставку *без*, в частности формулой «Полетел без крыл, сел без ног». Она функционирует в лечебных заговорах⁴, и смысл ее заключается в констатации алогизма: некоторое существо способно выполнять действия, не имея необходимых для этого частей тела. Таким образом, формула реализует идею отчуждения неотчуждаемого, расторможности нерасторможимой связи. (ср.: «*Летел бескрылый, сел безногий, клюнул безносый, весь жар унес*» [Русские заговоры и заклинания 1998, № 1701] (при ожоге и от жара); «*Без крыльев прилетел, без места посидел, без зуба укусил*» [Там же, № 1891] (от чирья) и мн. др.). В. Л. Кляус сравнивает заговорных персонажей, лишенных необходимых частей тела (т. е. неотчуждаемого), с персонажами песенных небылиц («...безрукый-то бы келью подломал, что нагому бы он в пазуху покчал»; «что безногий-то вприпрыжку побежал, безъязыкий-то бы громко закричал...») и указывает на генетическую связь тех и других со «смеховой культурой», «так как они отражают иной перевернутый изнаночный мир, в котором отсутствует общепринятая

⁴ Подробнее об этом см.: [Агапкина 2010, 184—189].

норма» [Кляус 2000, 98]. О подобных текстах Т. А. Агапкина пишет: «В заговоре появляется беззубый, бескрылый и безногий персонаж (под которым подразумевается недуг), что уже само по себе должно магически спровоцировать безвредность, “беззубость” болезни, ее неспособность причинить ущерб человеку. Ключевыми для подобных мотивов являются предлог *без* и соответствующая приставка — как знаки отсутствия болезни и ее симптомов» [Агапкина 2010, 185—186].

Семантика отсутствия, которая наилучшим образом выражает идею отрицания некоторых свойств целого (отрицания того, что у зла есть «оружие», ср. *«муха без носа»*) и носителями которой являются предлог и приставка *без*, стимулирует возникновение другой устойчивой формулы — «Безымянному персту имени нет». Настоящая формула функционирует в лечебных заговорах, преимущественно от чирья и вереда (ср. типичный фрагмент: *«Безымянному пальцу имени нет, на моем теле чирью места нет»* [Русские заговоры и заклинания 1998, № 1851]). «Чтение этих заговоров обычно сопровождается тем, что знахарь или кто-нибудь другой обводит пораженное место безымянным пальцем, тем самым ограничивая область его поражения и метонимически “переносит” само свойство “безымянности” с пальца на недуг, который так же, как и палец, не должен иметь имени и, следовательно, не должен существовать» [Агапкина 2010, 410]. Интересно, что в магическом тексте проясняется внутренняя форма сочетания *безымянный палец*, которое в обыденной речи, как правило, десемантизировано. Актуализации внутренней формы способствует, с одной стороны, характер «отрицаемого» объекта (имя играет определяющую роль для мифологического сознания, представляется заместителем человека или другого существа), а с другой — идея отсутствия, выражаемая префиксом *без-*, вокруг которой «разворачивается» магическое высказывание. *Без-*префиксальное слово, таким образом, инициирует и появление заговорной формулы, и приобретение ею

функции магического уничтожения злых сил, и — в определенной степени — возникновение традиции использования безымянного пальца в обряде. «Названия пальцев указывают на их иерархию (большой, средний, мизинец) и функцию (указательный). В традиционной культуре семантически выделены большой палец, мизинец и безымянный. <...> Безымянный палец, *благодаря его названию* (курсив наш. — О. С.), чаще всего использовались в медицинской практике для магического уничтожения болезни» [Славянские древности 3, 616].

Другая стратегия, реализуемая *без-*конструкциями в рамках выполнения ими функции магического уничтожения злых сил, — проклятье, направленное, как правило, на мифологического противника. «Включение формул угроз и проклятий в заговорную практику объясняется не только эмоциональным настроением человека, демонстрирующего свое враждебное отношение к персонажам — носителям зла, но это также связано с верой в то, что магия злоречений способна нейтрализовать, обезвредить или даже уничтожить опасность» [Виноградова 2005, 440]. Сочетания с предлогом и приставкой *без-* и глагола, который они характеризуют, образуют ядро заговорных формул проклятья: комплекс «глагол + *без-*конструкция» представляет необходимую и достаточную формулировку того, что должно произойти с врагом протагониста. Ср. фрагмент заговора против недругов: *«Как сей мертвец имярек умер без покаян(ь)я, так и ты умри без пок(аян)я»* [Заговоры из рукописных источников 2010, 93]; фрагмент оберега от ворона: *«...будь ты черной ворон с воронихой и ястреб с ястребихой слеп и темен без ясных очей и без станových костей, не увидеться бы тебе черному ворону с воронихой...»* [Ефименко 1878, 182]; фрагмент охотничьего заговора: *«И возьмите вы лихого человека от меня, раба Божия (имя рек), и от моих ловушек и ставушек, и от моего всякого промыслу; возьмите лихого человека за верховище, ударьте о сырую землю, шибите его в свиное гнездо, и чтобы тот лихой че-*

ловек лежал двенадцать дней без ума и без памяти, свету бы Божия не видал и рук бы своих не обозрил по всяк день и по всякую ночь...» [Заговоры, обереги 1907, 37] и т. д.

К стратегии проклятья близка выполняемая сочетаниями с *без* стратегия инвективы — негативно-бранная характеристика объекта заговора. Например, *без*-префиксальные эпитеты характеризуют пейоративное существительное *тварь*, которое называет врага протагониста: «*Иссохни, исчерни, нечистая сила, бездушная тварь. Как сучок иссохнет, так и ты, нечистая сила, бездушная тварь, иссохни*» [Юрлинский край 2003, 24] (заговор от грыжи); «*Ты, змея скорпея, беззаконная тварь, почему чрез Христовы заповеди ступаешь? Почему ты раба (имя рек) за пяты кусаешь?*» [Майков 1869, № 189] (заговор от змеиног укуса). Инвективы здесь имеют превентивный характер: адресованные мифологическому противнику, они призваны обозначить позицию протагониста и предупредить ответную агрессию.

Стратегию именования болезни воплощают существительные с приставкой *без-*, фигурирующие в заговорах от ночницы и криксы (детской бессонницы): *бессонница* (*бессонье, бессонница-переполошница, бессонница-полуночница*), *беспокойница* (*беспокойство, беспокоица*), *безумонье*, редупликативное сочетание *бессонница-беспокойница* (*бессонница-беспокоица*). Ср. некоторые примеры: «*Я, раба Божья, у раба Божья младеня отмываю, отфастываю и отказываю безсоньё, безугомоньё дённо, полудённо, ночьюно, полуночьно*» [Мансикка 1926, № 53]; «*Заря-заряница, заря-красная девица, дай рабу Божьему (имя) сон, возьми бессонье, дай опокрой, возьми беспокойство*» [Русские заговоры и заклинания 1998, № 113]; «*Полетай, бессонница-полуношница, в трубку с рабы Божьей (имя)*» [Там же, № 138] и др. В подобных текстах *бессонница* или персонифицируется, представляет собой мифологическое существо, которое должно быть изгнано протагонистом, или обозначает недуг, определенные симптомы, которые должна забрать и унести с собой некая сила — чаще ми-

фологический посредник: *Заря, дед и баба*, сакральный персонаж, дикое или домашнее животное, природный объект или явление и т. д. В обоих случаях произнесение слова *бессонница* (или приведенных выше вариантов, а также ряда синонимов и видовых наименований: *криксы, плаксы, вараксы, ревун, вопун, писки, рык, ночнушки, полуночница, полуденница, щекотуха* и подобные, список см.: [Агапкина 2010, 247—251]), необходимо как своего рода диагностика, подтверждение того, что протагонист знает имя демона или сущность болезни, а значит, имеет над ним власть — и это является гарантией действенности магического текста.

Примечательно, что использование *без*-префиксальных именовании болезни «запускает» механизмы инерции — лексической и грамматической, а действие последних — «не столько эстетический, сколько прагматически обусловленный прием, это необходимый элемент всякого “суггестивного” текста, обеспечивающий магическую силу заговора» [Толстая 2005, 292]. Слова с приставкой *без* имеют прозрачную внутреннюю форму и «иницируют» появление в тексте их бесприставочных антонимов: «*Заря-заряница, заря-красная девица, дай рабу Божьему (имя) сон, возьми бессонье, дай опокрой, возьми беспокойство*» [Русские заговоры и заклинания 1998, № 113]. На уровне словообразования грамматическая инерция приводит к возникновению аномальных грамматических форм⁵, например формы *сонница*: «*Заря-заряница, красна девица, возьми у (имя) бессонну сонницу, дай сонну сонницу*» [Там же, № 101]. (Ср. здесь также инерционное, по всей видимости, появление императива *суните* с не совсем ясным значением: «*Утренняя зоря, вечерняя зоря, <...> возьмите бессонницу, дайте ночный сон, суните*» [Там же, № 129]⁶).

⁵ Об этом см.: [Толстая 2005, 305].

⁶ На территории Русского Севера, где записан заговор, формы, подобные *сунить*, не встречаются; этот глагол можно трактовать как квазислово, «неправильный» глагол, образованный от существительного *сон*, однако не исключена и возможность опечатки — тогда это искаженное слово *усните*.

Если магическому тексту как целому присуще выполнение базовой функции, «продиктованной» интенцией жанра, то отдельные фрагменты этого текста — композиционные части — могут обладать собственными функциями, также «работающими» на выполнение общей задачи текста. Речь идет о такой составляющей многих заговоров, как молитвенное вступление. Молитвенный «блок» заговора имеет, с одной стороны, ярко выраженную языковую функцию (конативность — ориентация на адресата — магического защитника: в молитвенное вступление традиционно включаются звательные формы имен и императивы типа *защити, помилуй* и т.д.), а с другой стороны, наделен функциями собственно текстовыми. Кроме того, молитвенное вступление, как и жанр молитвы вообще, ориентировано на разграничение двух миров — мира горнего (божественного; мира магического защитника) и мира дольнего (человеческого; мира протагониста, просителя). Поэтому одна из функций молитвенных фрагментов заговора — **разграничительная**, в соответствии с принципом религиозного дуализма, имеющая целью проведение «демаркационной линии» между верхом и низом, святостью и грехом, чтобы подчеркнуть могущество защитника. Эта функция реализуется через обращение к Богу, Богородице, христианским святым и библейским персонажам, через самоуничтожение протагониста (см.: фрагмент заговора на ведение скотины: «*Царь Соломон, хитрый и мудрый, хитрому и мудрому сяуть(?) пошли ко мне, беспутной, сам подойди, рабу Божью Пестронюшку постанови*» [Русские заговоры и заклинания 1998, № 1036]), через смену языкового регистра (для молитвенного вступления характерен книжный стиль, насыщенный церковнославянизмами, в то время как основная часть заговора «пользуется» преимущественно разговорными формами), через использование устойчивых книжных формул (см. в заговоре от коросты или шелудей: «*Святый Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас, Боже*» [Майков 1869,

Некоторые слова с приставкой и предлогом *без*, входящие в молитвенную часть заговора, также наделяются общей для нее функцией разграничения, порой «жертвуют» в угоду ей своими системными языковыми значениями. Яркий пример этому — фрагмент рукописного заговора от оружия XVII в.: «*Молеся Спасу Вишьнему: Господи, Господи, Царю безчеловечни, святых, святых, святая Троица, Отец и Сын и Святыи Дух...*» [Отреченное чтение 2002, 229]. Эпитет *безчеловечный*, характеризующий Бога, здесь приобретает окказиональный текстовый смысл и означает, по всей видимости, «не человеческий, тот, который не является человеком» (*Царь безчеловечный* — не из земных царей, небесный Царь). Появление такой семантики, далеко отстоящей от привычных пейоративных значений лексемы (ср. ц.-слав.: *безчеловѣчный* «не имеющий сожаления к человечеству; жестокий» [СЦСРЯ 1, 42], др.-рус.: *безчеловѣчный* «бесчеловечный, жестокий» [СлРЯ 1, 179], а также соврем. литер.: *безчеловечный* «очень жестокий, безжалостный»), обусловлено «навязываемой» контекстом функцией: разграничение горнего и дольнего миров предполагает необходимость подчеркнуть нечеловеческую, сверхестественную (а значит, «сверх-сильную», «сверх-действенную») природу защитника протагониста (ср. следующее далее в тексте характерное самоуничтожение: «*Нине, Господи, помилуй меня, раба Божия, грешна[о] трудника имярек*» [Отреченное чтение 2002, 229]).

Как отмечалось выше, *без*-конструкции в заговоре способны выполнять не только базовую функцию, общую для всех составляющих текст элементов, и функции, присущие отдельным композиционным фрагментам текста, но и некоторые **факультативные функции**. К их числу относится, например, **функция идентификации персонажа**, которая осуществляется *без*-префиксальными эпитетами — атрибутивами при названиях заговорных персонажей. Так, атрибутивы при именах библейских персонажей — клише, напрямую заимствованные из книжной традиции

и текстов молитв: «*Иван Поститель, Иван Богослов, Иван многострадальный, безглавый Иван, <...> моли Бога о нас*» [Русские заговоры и заклинания 1998, № 2264]; «*Пресвятой Владычице матери Христа нашего, как крыла и градила сына своего Христа, Бога нашего, оградила <от> Царя безбожного во святом граде Иерусалиме, так закрепи и загради всем нетлением ходить по моей по скотине и подхожью...*» [Там же, № 1169]. В приведенных текстах по эпитету *безглавый* при ониме *Иван* «распознается» Иоанн Креститель; характеристика *безбожный Царь в Иерусалиме* указывает на Ирода.

Функцией идентификации обладает и постоянная характеристика лихорадок в заговорах, созданных на основе Сисиниевой легенды, — *беспоясые (без пояса)*. Данный эпитет, наряду с *простоволосостью (косматостью)*, обеспечивает «узнавание» трясовиц — этими маркерами демонического в заговорах отмечены только вполне определенные девы — лихорадки: «*На горе Фаворстей, под дубом Мамврийским ту седяху Сихаиль, Михаиль, и ту собираша вся силы небесныя, ангели и архангели, херувими и серафими, а идут семь дев простовласы и без пояса...*» [Майков 1869, № 105]; «*И отправляются они в путь-дороженьку на сей день Господний, и попадае им навстречу двенадцать дев, все идут косматые, волосатые и беспоясые*» [Русские заговоры и заклинания 1998, № 1743] и др.

Краткий обзор функций *без-*конструкций в языке заговора, представленный в настоящей статье, позволяет сделать некоторые выводы. Сочетания с предлогом и приставкой *без-* способны выполнять в заговорном тексте, с одной стороны, базовые, а с другой — более частные функции. Классификация последних может осуществляться по разным основаниям. Так, установление роли фрагмента текста в композиции заговора дает возможность выявить функцию, присущую этому фрагменту и составляющим его элементам (например, функция молитвенного вступления и входящих в него лексем — разграничение). Возможно также определение функций

отдельных лексических элементов, в особенности устойчивых и формульных (например, функция идентификации). Наблюдения над сочетаниями *с без*, выполняющими **базовую функцию** магического текста (уничтожение злых сил), позволяют реконструировать направление отбора языковых средств. Поскольку речь идет о лечебных заговорах и оберегах — именно в них предлог и приставка *без-* обладают высокой функциональностью, что неудивительно: в этих текстах, где мифологический противник четко обозначен, негация максимально насыщается действенностью, «идеологизируется» — «злом по злу», «зло против зла», негация в тексте против отрицательного в жизни. Языковой отбор осуществляется следующим образом: общая интенция функционального типа заговора (противостояние злу) → базовая функция текста (уничтожение зла) → потребность в языковых единицах, которые способны оптимально воплощать эту функцию, эксплицировать идею неприятия, отторжения зла, противостояния ему. Соответственно возникает потребность в носителях негативной семантики → появление в текстах приставки и предлога *без*⁷ → выполнение *без-*конструкциями ряда стратегий (отрицание зла, проклятье и проч.). Вероятно, экспликативные негативные семантики (*без, не/ни*, инвективы и т.д.) взаимозаменяемы и взаимодополняемы в ходе реализации некоторых стратегий, однако идею отрицания определенных свойств целого (= у зла нет чего-либо, что позволяет ему быть эффективным) наилучшим образом воплощают выражители семантики отсутствия — предлог и приставка *без-*. Их «удобство» для выполнения стратегии отрицания злых сил подтверждается существованием устойчивых формул, которые разворачиваются вокруг *без* («Полетел

⁷ Это относится и к другим элементам с негативной семантикой: частицам и приставкам *не/ни*, предикативным местоимениям и наречиям с *не-*, слову *нет*, лексемам с имплицитным отрицанием и словам с пейоративной семантикой; установление их роли и функций в заговоре, однако, требует отдельного исследования.

без крыл, сел без ног», «Безымянному персту имени нет»).

Доминирующую роль функции в заговоре иллюстрирует возможность приобретения фигурирующими в нем без-конструкциями контекстных значений. Так, разграничительная функция молитвенного вступления «моделирует» окказиональную семантику лексемы *бесчеловечный* ('не человеческий'); предзаданная в лечебном заговоре функция уничтожения недуга обуславливает значение эпитета *беспятный* (о болезни) — 'не возвращающийся, уходящий бесследно'.

В целом представляется, что изучение прагматики заговора на микроуровне, на уровне частного воплощения отдельными конструкциями целеустановки жанра, достаточно перспективно. Последовательно проводимый, такой анализ способен помочь определить основные функции текстов и их элементов, через это выявить и скорректировать «список» базовых для жанра интенций и наиболее существенных идей и, наконец, прояснить специфику экспликации этих идей в текстах (например, идеи отрицания): интенция — идея — текст.

Литература

Агапкина 2010 — *Агапкина Т. А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: сюжетики и образ мира. М., 2010.

Виноградова 2005 — *Виноградова Л. Н.* Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Заговорный текст. Генезис и структура. М., 2005. С. 425—440.

Дуров 2011 — *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск, 2011.

Ефименко 1878 — Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии / собр. П. С. Ефименком. М., 1878. Ч. 2. Народная словесность.

Заговоры из рукописных источников 2010 — Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / сост., подгот. текстов, ст. и коммент. А. Л. Топоркова. М., 2010.

Заговоры, обереги 1907 — Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. // Живая старина. 1907. Вып. I. № 8.

Кляус 2000 — *Кляус В. Л.* Сюжетики заговорных текстов славян в сравнительном изучении. К постановке проблемы. М., 2000.

Майков 1869 — Великорусские заклинания. Сборник Л. Н. Майкова. СПб., 1869.

Мансикка 1926 — *Мансикка В.* Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии // Sbornik filologický (III. Trída České akademie věd a umění). Praha, 1926. Sv. 8. Č. 1. С. 185—233.

Отреченное чтение 2002 — Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков / отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М., 2002.

Русские заговоры и заклинания 1998 — Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953—1993 гг. / под ред. В. П. Аникина. М., 1998.

Славянские древности — Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995—2012.

СлРЯ — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—. Вып. 1—.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—. Вып. 1—.

СЦСРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1847. Т. 1—4.

Толстая 2005 — *Толстая С. М.* Ритм и инерция в структуре заговорного текста // Заговорный текст. Генезис и структура. М., 2005. С. 292—308.

Толстая 2008 — *Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

Топоров 1993 — *Топоров В. Н.* Об индоевропейской заговорной традиции (Избранные главы) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993. С. 3—103.

Юрлинский край 2003 — *Бахматов А. А., Подюков И. А., Черных А. В., Хоробрых С. В.* Юрлинский край. Традиционная культура русских Юрлинского района в XIX—XX вв. Материалы и исследования. Кудымкар, 2003.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. М., 1974—. Вып. 1—.

Summary. *The article includes the analysis of combinations with preposition and prefix bez that appear in the Russian charms, from the standpoint of functions they have; this correlation between functions and general functionality of magical text is revealed.*

Key words: *linguofolkloristics, charm, pragmatics, preposition bez, prefix bez-.*